

Венгерские народные сказки

Красавец Палко

Было ли, не было, отсюда за семьюдесятью семью государствами жила бедная женщина. Был у нее единственный сын, да только и его-то она не всякий день накормить могла. Она бы и накормила – было бы чем. Однажды встал сын от пустого стола и говорит:

– Не хочу я, матушка, в нищете жизнь коротать, дома сиднем сидеть, пойду по свету, поищу счастья.

Заплакала бедная женщина: единственный сын у нее и того лишиться приходится. Не скажешь ведь: останься, сынок, родненький мой, в молоке да масле купать тебя стану, в тепле да в холе держать, – откуда у нее молоко да масло, откуда дровишки, чтоб огонь развести?..

А сына ее, к слову сказать, Палко звали, и был он такой красавец, что второго такого ищи не отыщешь, хоть всю степь обойди.

Ну, так вот. Плакала бедная женщина, плакала, но сыночка в путь снарядила, лепешку в золе испекла да ему в котомку сунула – с тем и отпустила счастье искать.

Шел, шел красавец Палко через горы и доли, а к вечеру попал в лес большой, в чащобу нехоженую. Увидел вдали огонек, будто свеча горит. Пошел на огонь, а он с каждым шагом все ярче да выше, под конец даже страшно стало, словно дом большой полыхает. «Ох, – думает Палко, – видно, здесь великаны живут».

Так оно и было: вокруг костра сидело великанье семейство – сам великан и сыны его. На жердях-вертелах сало поджаривали.

«Ладно! – сказал себе Палко. – Другой жизни не бывать, смертынь-ки не миновать...» И смело подошел к костру. Снял шапку Палко, вежливо поздоровался:

– Доброго вам вечера, господин мой батюшка! Повернулся к нему великан да как рявкнет:

– Это еще что за человечье отродье?

– Я это, господин мой батюшка, – отвечает Палко.

– Кто ж ты есть, кто таков?

– Я, господин мой батюшка, бедняцкий сын, иду вот службу искать.

– Ну, благодари бога, что господином батюшкой величал меня, – сказал великан, – иначе зажарил бы я тебя на этом костре. Садись с нами, сынок!

Сел Палко с сыновьями-великанами в ряд, они его щедро жареным салом попотчевали, после того лег Палко и заснул как убитый. Утром все пробудились, великан и спрашивает:

– И куда ж ты путь держишь, Палко, сынок, где хочешь службу искать?

– Я, господин мой батюшка, к королю податься хочу, потому как слышал, там у них для работника год – три денечка, и платят бедному человеку по-божески.

– Э, сынок, король далече живет. Все ноги стопчешь, пока дойдешь. Ну, не печалься, садись мне на загорбок да за волосы крепко держись, отнесу я тебя к королю.

Взобрался Палко на великана, а великан говорит:

– Ты, Палко, глаза-то зажмурь, не то голова закружится, упадешь да разобьешься насмерть, косточек не соберешь.

Зажмурился Палко, а великан пошел с горы на гору шагать, с одной вершины на другую, море встретилось – море перешагнул, а потом на такую высокую гору шагнул, что головою небо достал. Тут он остановился, перевел дух и говорит Палко:

– Открой глаза, сынок, да скажи: что ты видишь?

– Вижу я, – отвечает Палко, – там, вдали, вроде что-то белеет. Что бы это было, господин мой батюшка?

– Это, сынок, королевский загон для овец при дворце заоблачном. А теперь опять закрой глаза.

Сделал великан еще три шага, говорит Палко:

– Открой глаза, сынок, что ты видишь?

– Будто домик вижу, господин мой батюшка.

– Это королевский дворец заоблачный, Палко, сынок. Отсюда-то он тебе крошкой кажется, но ты погоди, он еще вырастет. Закрой глаза!

Закрыв Палко глаза и вцепился намертво великану в волосы, да и правильно сделал, потому что вдруг такой поднялся вихрь, что, не держись он крепко руками-ногами, сдуло бы его как пушинку. А великану что, ему и ураган нипочем. Знай, долговязый, ноги переставляет с горы на гору, леса и долины позади остаются.

– Открой-ка глаза, сынок! Оглянись, что ты видишь?

– Вижу, господин мой батюшка, дворец, в жизни ничего красивей не видел. Мы как раз у ворот стоим.

– Ну, коли так, слезай с закорок, Палко, сынок, и ступай к королю. А я домой подамся, к сыновьям своим.

Слез Палко с великана, распрощался честь по чести, сыновьям его поклон передал и пошел во дворец. Там прямо к королю направился, рассказал ему: так, мол, и так.

– Ну, что же, Палко, сынок,– сказал король,– был у меня пастух, индюшек пас, да я его прогнал, возьму на его место тебя.

Пасет Палко индюшек, время идет. Видит король, паренек старательный, взял его в покои королевские, своим личным слугой определил. Да, чтоб не забыть: у того короля было три дочки, одна другой краше. Только старшие очень уж злые были, младшую недолюбливали. А та была такая уж красавица – глянешь на нее, глаза слепит, легче на солнце смотреть. Сколько князей-королевичей сваталось к ней, и не счесть, да только младшая королевна, с тех пор как Палко увидела, и словечком их не приветила. Хотя и с Палко не часто беседовала – мать-королева, колдунья старая, глаз с дочери не спускала. Словом, так ли, эдак ли, а только заметила она, что Палко и ее младшая дочка и без слов понимают друг дружку.

– Знаю я, отчего не нужны нашей младшей королевичи да князья,– говорит она мужу.– Негодница Палко любит!

– Неужто? – удивился король.– Ну, уж с Палко я справлюсь. Больше они не увидятся.

Призывает король Палко и говорит:

– Вижу я, Палко, парень ты ухватистый, слушай же мой приказ. Видишь тот лес, напротив дворца моего? Так вот: нынче же ночью ступай в этот лес, выруби его до последнего деревца, свежи все на королевский мой двор и к утру в поленницу сложи, а не то быть твоей голове на колу.

Палко насмерть перепугался, говорит королю:

– Ты уж сразу, королевское твое величество, вели голову мне рубить да на кол насадить – мне и за сто лет твоего приказанья не выполнить!

– Как смеешь, щенок, мне перечить, негодник такой-сякой! В темницу его! Как я сказал, так и будет: не исполнишь к утру приказа – голову отрублю, на кол насажу!

Позвал он двух стражников, приказал Палко в темницу вести, руки-ноги в кандалы забить.

В темнице сел Палко на землю и заплакал горячими слезами. «Да как же посмел я, – ругал он себя, – матушку родимую одну оставить? Лучше б всю жизнь голодал-холодал, всю жизнь и еще два денька в придачу, чем молодым помереть, казнь лихую принять».

Сидит Палко в темнице, плачет, себя клянет. Вдруг отворяется в стене дверка потайная и входит к нему младшая королевна. Подбежала к Палко, обняла, поцеловала его, погладила ласково.

– Не плачь, Палко, слезы не лей, – утешала, – вот тебе кнут с медным наконечником, выйдешь сейчас через эту дверцу тайную и в лес ступай. Там трижды щелкни кнутом, да покрепче, чтобы лес загудел. Как в третий раз щелкнешь, сбегутся к тебе все бесы и бесенята, какие только есть на

земле. Отдашь им приказ – к утру все выполнят.

Обрадовался Палко, в семь раз краше стал, чем был, взял кнут с медным наконечником, вылез через потайной ход, а королева осталась в темнице ждать его. Пришел Палко к лесу, трижды что было силы ударил кнутом. Загудел лес, зазвенел, заухал, будто молния по нему пронеслась, и вдруг со всех сторон бесы так и посыпались, собралось их видимо-невидимо. Самый старый к Палко подошел, спрашивает:

– Что прикажешь, господин Палко?

– Вот мой приказ: лес до последнего деревца вырубить, на двор королевский снести и в поленницу сложить.

– Все исполним, господин Палко, ступай домой и спи спокойно. Вернулся Палко в темницу, но спать не спал, до утра с королевней беседовал.

А у бесов тою порой дым стоял столбом, работа так и кипела: рубят бесы лес, пилят, ломают, одни с одного конца, другие с другого; что срубили, сразу на королевский двор волокут, кому как взяться сподручнее... все снесли, распилили, в поленницу уложили, с тем и исчезли, словно земля их поглотила.

Рано утром проснулся король, на крыльцо вышел, да так и хлопнулся наземь, увидя поленницу до неба. Три ведра воды на него вылили, и то едва опамятовался. Тотчас Палко позвал, говорит ему:

– Ну, Палко, на этот раз ты все исполнил, а теперь слушай да открой уши пошире. Вот тебе мой приказ: нынче ночью вспаши то место, где лес был, засеи его гречихой, пусть гречиха за ночь взойдет, заколосится, созреет, ты урожай-то сожнешь, обмолотишь, на муку смелешь – и чтоб к утру мамалыгу сварил из нее. Не сумеешь – голову на кол велю насадить!

Совсем запечалился Палко, говорит королю:

– Великий король, вели уж сразу мне голову рубить, на кол насадить, потому как место то вспахать я могу, гречихой засеять тоже могу, но как возможно, чтобы в ту же ночь и взошла она, и заколосилась, и созрела тоже?

– Молчи, больше ни слова! – закричал король гневно. – Ступай обратно в темницу. Казнить тебя и завтра утром не поздно будет, щенок ты паршивый.

Вернулся Палко в темницу, сидит, горюет, слезы льет да себя корит: зачем мать родную одну оставил. Плачет Палко, убивается и не видит, что тайная дверка открылась, младшая королева уже в темнице. Подбежала она к Палко, обнимает его, целует, ласкает и такие слова говорит:

– Не горюй, милый Палко, не плачь, не так велика беда твоя! Бери-ка вот этот кнут с золотым наконечником, ступай через потайной ход на вчерашнее место и трижды ударь кнутом оземь, да посильнее, чтобы гул прошел по земле и по небу. Тогда все бесы, какие есть на земле и под землей тоже, прибегут к тебе. Ты им дело свое расскажи, прочее – не твоя забота.

Палко все сделал, как ему королева наказывала. Когда в третий раз щелкнул кнутом, собралась бесов рать несметная – на земле и яблоку негде упасть, небо совсем почернело, звезд не видно.

– Что прикажешь, господин Палко? – спрашивает старейшина ихний.

Рассказал ему Палко про свою беду.

– Не печалься, – сказал старший бес, – ступай домой да спать ложись.

Вернулся Палко в темницу и опять с королевней проговорил до утра.

А бесы тем временем за дело взялись; мигом землю вспахали, засеяли, еще и не всю с бороною прошли, а поле зазеленело; только зазеленело – подниматься стало; только поднялось, как уже и вызрело; едва вызрело – урожай сняли, обмолотили; обмолотить не успели, а уж и смололи – раз-два, готова мука гречишная для мамалыги; тотчас котел приволокли из преисподней, огромнейший, больше церкви. Поленницу, что вчера сложили, вмиг подожгли, котел над огнем

подвесили; варится варево, булькает, оглянуться не успели – мамалыга готова; подскакивает тут супруга самого Сатаны с мешалкою, да такой, что и за балку большую сошла бы, в другой руке ложка деревянная и того больше; сняли котел с огня, Сатаниха помешала варево, примяла сверху, охлопала; опять повесили котел, вот уж доньшко поджарить начало, отстала от стенок гречишная мамалыга – готова! Перевернули бесы котел, вывалили гору мамалыжку прямо на землю. Не успел петух прокричать, а они уж управились – и давай бог ноги, мигом умчались все в преисподнюю.

Только-только утро настало, король уже на ногах, спешит на крылечко, поглядеть, как там у Палко дела. Увидел во дворе гору мамалыги, так и грянулся оземь; шесть ведер огромных, из каких лошадей поят, на него вылили, едва в чувство привели.

Оклемался король самую малость, приказал с барабаном пройти по всем улицам, созвать народ, чтобы мамалыгу убрали со двора. Тут, ясное дело, долго просить не пришлось: бедняки со всех ног на королевский двор бросились, каждый набрал мамалыги, сколько унести мог: растащили по домам быстро, на крыльях летели. Всю мамалыгу разобрали, даже землю выскребли, где она лежала. Тогда призвал король Палко и говорит:

– Ладно, парень, перехитрил ты меня, да только рано обрадовался. Знаю ведь, что не сам ты сделал все, но так и быть, сделано так сделано. А теперь раскрой уши пошире. Завтра утром пойдешь на конюшню, увидишь там вороного скакуна, да вороную кобылу, да двух кобылок игреневых, да серую кобылку, совсем молоденькую. До тех пор объезжать их будешь, пока пеною не покроются. Но уж не взыщи, коли не сумеешь справиться. Тогда быть твоей голове на колу.

Обрадовался Палко: лошадей он не видал, что ли, дело-то нехитрое. Даже словечка не сказал королю, веселый, сам побежал в темницу. Скоро по тайному ходу и королевна явилась.

– Вижу, – говорит, – веселый ты нынче, Палко. А ведь тут-то и пришла пора тебе горевать да плакать. До сих пор все за тебя бесы делали, а завтра средь бела дня нельзя им выйти будет, чтоб тебе помочь.

Палко ей отвечает:

– Неужто ты, душа моя, думаешь, что я без них с лошадьми не совладаю?

– Ах, Палко, милый, знаешь ли ты, что вороной скакун – это родитель мой злобный, вороная кобыла – мать моя колдунья, две кобылки игреневые – мои лиходейки сестры, а серая кобылка молоденькая – я сама? Только ты на порог ступишь, мы все так лягаться начнем, что тебе небо с овчинку покажется! Но ты все ж не бойся, слушай меня: там за дверью прут железный стоит; как бы ни лягали тебя, ты до этого прута дотянись; рук не жалея – колоти им лошадей до тех пор, пока не уймутся. Только меня не бей, Палко, любимый мой, я тебя не стану лягать, только вид сделаю, будто лягаюсь. Вот тебе и узда медная, по очереди взнуздаешь нас, а там уж дело твое. С тем и распрощалась с Палко младшая королевна, наказала ему выспаться хорошенько и уж завтра глядеть в оба глаза.

Послушался Палко ее совета, лег и заснул как убитый. А как забрезжил рассвет, встал и пошел на задний двор, к конюшне. Уж издали слышно было: там они, кони чистопородные, ржут, копытами бьют, танцуют. Ох, Палко, держись, сейчас дадут тебе жару! Открыл он ворота, а кони, все пять, ну лягать его, у бедняги искры из глаз посыпались. Да только он был парень не промах: изловчился, прут железный схватил и на жеребца вороного кинулся; дубасит его, колотит почем зря. Не выдержал наконец вороной, упал, ясли грызет от боли и злобы. Взнуздав его Палко уздою медною, птицей взлетел ему на спину, жеребец – за порог и помчался быстрее вихря. Скакал, скакал, весь пеной покрылся, тут Палко его назад повернул, в конюшню завел.

Так же с вороной кобылой случилось и с двумя молодыми кобылками игреневыми; когда же до серой кобылки дело дошло, он ее бить не стал, по настилу да по яслям прутком колотил понарошку

и кричал громким голосом. Она, конечно, недолго артачилась.

– Слышишь, – говорит жеребцу вороная кобыла, – говорила же я тебе, что выдала нас кобылка серая, дрянь несчастная. Из-за нее муки адские принять нам пришлось, ну теперь-то они поплатятся оба.

Услышал Палко эти слова, шепчет серенькой в самое ухо:

– Слышала ты, что твоя мать говорит?

– Слышала, слышала. Прыгай, Палко, в седло, и помчимся отсюда ветра быстрее, здесь нам не будет житья, изведут они нас.

Ух и помчались они! Ноги кобылки молоденькой земли не касались, летела она птицы быстрее, ветра быстрее, даже мысли быстрее, через доли и горы, через леса и поля, через реки, озера, моря; семь дней, семь ночей дух не переводя скакала. На восьмой день сказала:

– Оглянись-ка, Палко, что ты там видишь?

– Орла вижу могучего, из клюва огонь полыхает, вслед за нами летит.

– Так знай же: это отец мой, он вот-вот нас догонит. Слушай, я сейчас перекувырнусь через голову и стану гречишным полем, а ты перекувырнешься – сторожем на том поле станешь. Если спросит отец, не видал ли ты парня на молодой кобылке серой масти, скажи, что видел, когда в поле этом гречиху сеяли.

Так все и вышло. Орел подлетел к Палко-сторожу, спрашивает:

– Эй, землячок, не видел ли парня красивого на молодой серой кобылке верхом?

– Как же, видел, здесь проезжали, когда гречиху вот эту сеяли. Тому недели четыре, если не больше.

– Нет, это не те, что мне нужны, – сказал орел и полетел назад, во дворец.

Рассказал королеве, где летал, кого видал, что услышал.

– Эх, недотепа, – взвилась королева, злая-презлая, – да ведь полем гречишным дочь твоя обернулась, а сторожем – Палко. Обвели они тебя, задурили голову. Лети поскорей, догони их! Король, дух не переводя, опять орлом в погоню кинулся. А лошадка серая в это время мчалась через горы и доли, подальше от отчего дома, да только стала она уставать, вот уж орел их настигает.

– Оглянись, Палко, что ты там видишь?

– Вижу, орел за нами летит, из клюва огонь так и пышет.

– Беда, догоняет нас отец. Перевернемся скорей через голову, я стану овечкой, ты – пастухом; спросит отец, не видел ли всадника на серой кобыле, скажешь, видел, а было это, когда старая овца окотилась, эту овечку как раз принесла.

Опять орел ни с чем домой улетел, вернулся сердитый-пресердитый.

– Нет там никого, – говорит. – Одна овечка пасется, и пастух с нею ходит.

Вот когда королева в настоящую ярость пришла.

– Дурень ты старый, – говорит она королю, – овечка ведь дочь твоя, а пастух тот – Палко. Лети догоняй, да гляди, чтоб опять не остаться с носом.

Полетел король, опять в орла обратившись, крыльями машет, небо задевает. Серая лошадка с Палко бежит, только очень уже устала она.

– Обернись назад, Палко, что ты видишь там? Вроде бы огнем оттуда несет, опалает меня.

– Вижу орла, опять он нас догоняет, а из клюва огонь, весь небосвод задымил.

– Ну, Палко, если не успеем через голову перевернуться, конец нам. Я теперь стану часовней, а ты – отшельником в ней. Спросит тебя отец, не видал ли всадника на кобылке серой, отвечай, что видел, мол, когда часовенку строили.

Только успели они в часовню да в отшельника обернуться, орел уж тут как тут, вокруг всю траву

пожег, спрашивает:

– Эй, святой отшельник, скажи, не проезжал тут всадник на серой кобылке?

– Проезжал, а как же. Помнится, год назад я их видел, когда часовенку эту строили.

– Ну значит, это другие, не те, кто мне нужен. И полетел орел во дворец свой.

А королева уже на террасе стоит, руками хлопает, насмехается:

– Что, опять тебя обвели, простофиля?

Король рассказал все, как было, и что отшельник ему ответил. Королева слушала от злости сама не своя.

– Это ж Палко был, дуралей ты, а часовня – дочка твоя. Нет, теперь я сама полечу, уж меня-то они не обманут!

В тот же миг обернулась она птицей ястребом и полетела мысли быстрее. Беглецы тоже на месте не стояли, как могли поспешали, да только ноги у серой лошадки совсем заплетались, выбилась из сил, бедная.

– Оглянись, Палко, что там видишь?

– Вижу ястреба, из клюва его огонь полыхает, все вокруг палит.

– Вот теперь, Палко, не знаю, останемся ли живы. Это мать моя ястребом обернулась, а ее никак не обманешь. Стану я сейчас озером, а ты – рыбкою золотою. Гляди только, чтобы ястреб не поймал тебя.

Верно сказала кобылка серая: ястреба обмануть нельзя было. Только они озером да рыбкой обернулись, ястреб на рыбку так и кинулся. Но рыбка проворней оказалась, на дно озера мигом ушла; ястреб и так налетал, и эдак, золотая рыбка всякий раз вывертывалась. Обернулся тут ястреб опять королевой, схватила королева камень большой, в рыбку бросила. А рыбка опять нырнула поглубже, камень и не задел ее. Все камни, какие на берегу были, королева в озеро покидала, но в рыбку попасть не сумела.

Когда же вовсе камней не осталось, вскинула злая колдунья руки к небу и прокляла Палко и младшую дочь страшным проклятьем:

– Не совладала я с вами, ненавистные! Всех дочерей ты меня лишил, Палко: двух прутом забил, третью увел. Вот вам мое проклятие: забудьте друг друга, будто никогда и не виделись!

Ничего больше она не сказала, сделала свое черное дело. Сразу опять ястребом обернулась и улетела домой, огонь изрыгая.

Только она улетела, обернулось озеро младшей королевною, золотая рыбка в Палко превратилась, стали оба в семь раз краше, чем были прежде. Бояться им было уже некого, пошли они не спеша по дороге, шли и шли куда глаза глядят. Подошли к городу какому-то, сели отдохнуть, поговорили, обсудили, что дальше делать. И тут обоих сморил сон.

Утром проснулись, смотрят друг на друга, как чужие. Палко спрашивает:

– Кто ты, красавица? А королевна ему:

– А ты кто, добрый молодец?

Назвали себя друг другу по имени, все равно не признали. Оба понять не могли, как оказались рядышком. Пошли вместе в город да там и расстались: он вправо свернул, она – влево. Нанялся Палко слугою в богатый дом, королевна – в другой важный дом, горничной. Каждый день Палко в том доме бывает, то его с письмом пошлют, то на словах что-то велют передать; каждый день он девушку видит, беседует иногда о том о сем, а признать друг друга не могут.

Ровно год прошел с того дня, как злая королева заклятье на них наложила. В эту самую ночь видит Палко сон, будто вороной жеребец издох. А утром его опять в тот дом посылают, где королевна горничной служит. Рассказал он ей, какой удивительный сон нынче видел.

– А и правда удивительный сон, – говорит ему девушка. – Я вот видела нынче вороную кобылу, и

тоже издохла она.

Смотрят они друг на дружку, во все глаза смотрят, и вдруг стало обоим чудиться, будто когда-то давно были они хорошо знакомы. Светлело в голове у обоих, светлело, и вдруг они вспомнили все: бросились друг другу на шею, обнялись, поцеловались крепко.

Тотчас и сон разгадали: не иначе как король с королевой богу душу отдали. Мигом собрались они в путь и пустились домой, нигде не задерживаясь.

Сон и вправду вещим оказался. Назвал народ королевну своей королевою, мужа дозволил по желанию выбрать. А кого ж и было ей выбирать, как не Палко. Сыграли тут свадьбу, задали пир на весь мир, мед рекою тек вот отсюда и досюдова, со всех деревьев ручьями лился. А потом сели молодые в скорлупу ореховую и поплыли вниз по реке, Олт называется, плыли да плыли, пока Палко матушку свою не увидел. Посадили бедную женщину посередине и поплыли в скорлупе ореховой назад, во дворец королевский.

И посейчас там живут не тужат, если не померли.